

Борьба Вольтера за безлюбивую трагедию была борьбой за общественную значимость сюжета, за превращение классицистической трагедии в боевой, общественно действенный, обличительный жанр. Что же касается естественных страстей, в том числе и любовной, то они выступают у Вольтера уже не роковым, а положительным началом человеческой природы, угнетенным социальной несправедливостью, деспотизмом и религиозным изуверством.

Сравним для примера «Меропу» Вольтера с «Андромахой» Расина. И там и тут царь-победитель преследует свою пленницу — вдову убитого им врага. Как и у Андромахи, у Меропы материнские чувства борются с чувством верности погибшему мужу. Точно так же как Пирр, Полифонт использует материнские чувства своей пленницы, чтобы принудить ее к браку. И, несмотря на все эти сюжетные совпадения, «Меропа» Вольтера уже очень далека от классицистической схемы «Андромахи». В противоположность Пирру Полифонт — это законченный злодей. Не любовь, а низкий расчет заставляет его добиваться у Меропы согласия на брак. Он двуличен, лицемерен, жесток, он тиран, и этим все сказано. Не сочувствие и сожаление вызывает он у зрителя, а только ненависть и презрение. Его гибель — это не ужасная катастрофа, а заслуженное наказание порока. В противоположность Полифонту Меропа и Эгист — олицетворение добродетели. Так, с изменением этического критерия оценки человеческого поведения происходит расслоение трагического героя на совершенно положительного и совершенно отрицательного. Причем трагическим героем в собственном смысле слова остается только первый, т. е. добродетельный герой, жертва, а не носитель деспотизма.

Соответственно этому трагические герои получают в творчестве Вольтера известные социальные признаки и низводятся иногда из разряда «царей и героев» в разряд «обыкновенных людей» (трагедия «Гебры»). Однако эта трансформация не означала, что царственный герой трагедии XVII века оказался вытесненным у Вольтера (и в мещанской драме) буржуазным героем, подобно тому, как на историческую арену на смену дворянства выступала буржуазия. Дело было сложнее. Суть его состояла не в простой смене одного социального качества другим, а в рождении социального героя как такового. Под «обыкновенными» слоями общества Вольтер (см. предисловие к «Гебрам») вовсе не разумеет именно средних, т. е. буржуазных слоев. Для Вольтера и его современников аристократ, титулованный дворянин был не менее обыкновенной фигурой, чем любой буржуа. «Обыкновенные люди» — это представители самых раз-